

БИБЛИОТЕКА
СКИТА СЪТН. ПУСТЫНИ
№
ОТДѢЛЕНІЕ

ПИСЬМА СЪ ВОСТОКА.

П и с ь м а

ПИСЬМА

Letters from

С

ВОСТОКА

the East

от 1848 — 1850 годовъ.

by

Andrey Nikolaevich Muraviev

Часть I.

vol.

С

С. П. Б.

Въ типографіи III Отдѣленія Сов. Е. И. В. Канцеляріи.

1851.

PRINTED IN RUSSIA

947.07

M97

41

ПИСЬМО XII.

ЗОГРАФЪ.

Зографъ 24-го Августа, 1849.

Сегодня праздникъ Святителя Петра, первопрестольника Московскаго, и я пишу къ вамъ изъ обители Болгарской Зографа, гдѣ отнынѣ будетъ также праздноваться день сей, навсегда для нихъ памятный. Нынѣ, совершенно печально и единодушно, устроилось здѣсь общежитіе, котораго безъ успѣха домогались болѣе двухъ лѣтъ, несмотря на всѣ старанія знакома нашего Архимандрита Анатолія, педано усоншаго. Промысль Божіи устроила въ свое время то, чему надлежало быть, и нынѣ желательно, чтобы икона предстателя нашего осѣнила благословіемъ, отъ мощей его, соплемянную намъ обитель, утѣшенную радостнымъ со-

бытіемъ въ день его памяти. Расскажу случившееся и вы подивитесь, но и конечно порадуетесь вмѣстѣ съ нами.

Я оставилъ Хиладарь съ благословіемъ Епитроповъ для меня драгоценнымъ, иконою ихъ царственныхъ ктиторовъ Саввы и Симеона, которую утѣшительно было мнѣ получить на мѣстѣ ихъ подвига, какъ бы отъ лица ихъ самихъ. Два ипока Сербскіе меня провожали, на крѣпкихъ мулахъ монастырскихъ, по трудной стезѣ, потому что тутъ надобно было перевалиться черезъ хребетъ Аѳона на западную его сторону; круты были подъемы и спуски, поросшіе вѣковыми соснами. Въ лѣво, на вершинѣ горной, указали мнѣ скитъ Троицкій, теперь уже запустѣвшій, по оскудѣнію иночествующихъ въ Хиладарь; но обширность его владѣній меня изумила, свидѣтельствующая о царскихъ щедротахъ Стефана Душана сильнаго. Почти до самой долины Зографской все принадлежитъ облагодѣтельствованной имъ лаврѣ Сербской, такъ что и воды западнаго залива уже намъ открылись съ высотъ, а мы еще все вѣхали по землѣ Хиладарской; не малое это искушеніе для сосѣднихъ обителей, которыя были обрѣзаны для возвеличенія одной и уже теперь не въ силахъ возратить прежняго достоянія; нынѣ однако еще спорятъ за прежнія права. По мѣрѣ приближенія къ Зографу мѣстность становилась болѣе дикою, но растительность была самая роскошная; живописно раскинулись вѣковые дубы, яворы и липы, по обрывамъ овра-

говъ. Мы спустились въ ущелье и мнѣ указали на противоположной сторонѣ, въ густой чащѣ, дикій вертепъ пустытника Космы, здѣсь спасавшагося въ XIV столѣтіи. Далѣе, на вершинѣ отдельнаго холма, какъ призракъ блеснула малая церковь, знаменующая мѣсто, гдѣ остановилась чудотворная икона Великомученика; когда же, переѣхавъ глубокое ущелье, мы стали подыматься по извѣщенной въ камняхъ дорогѣ, звукъ колокола возвѣстивъ намъ близость обители, прежде нежели сама она показала изъ чащи надъ пропастью, осененная благовоною зеленью своей дубравы.

Съ крестомъ и иконами встрѣтила меня вся братія Зографская и повела торжественно въ храмъ Св. Георгія, для соборнаго молебна Великомученику. Не удивитесь такимъ необычайнымъ почестямъ, не подобающимъ мирянамъ. На Востоку, при оскудѣніи болѣе или меньше почетныхъ поестителей, чрезмерно радуются пришествію Русскихъ еднновѣрцевъ и стараются всеми средствами доказать свою любовь къ ихъ великой державѣ; здѣсь, по каноническому выраженію, почеть воздаваемая лицу, восходитъ къ первообразу, и это я вамъ объясню для того, чтобы послѣдующее не показалось вамъ страннымъ, такъ какъ я долженъ вамъ сказать о событіи, которое необходимо запишется въ церковныхъ актахъ Аѳонскихъ и даже Патриаршихъ. Была и другая причина, почему приняло меня съ особенною почестью братство Зографское, кромѣ благодарности Россіи за возвраще-

ніе имуцевъ Бессарабскихъ. Несколько дней предъ тѣмъ, Посланникъ нашъ, поестившій вмѣстѣ со мною нѣкоторыхъ обители Святой горы, какъ бы въ числѣ моихъ спутниковъ, потому что хотѣлъ скрыть свое имя, пріѣхалъ сюда съ прочими членами миссіи, уже безъ меня, и объявилъ о моемъ скоромъ прибытіи. Немогло однако здѣсь угадать лице его, слишкомъ извѣстное въ Царьградѣ, но его узнали слишкомъ поздно чтобы воздать ему подобающую почесть. Совершенно смерклось, когда онъ возвращался, такъ что съ факелами провожали его до пристани, гдѣ ожидалъ его военный корветъ, и весьма естественно, что братія хотѣла вознаградить въ лицѣ моемъ то, чего не успѣла для него сдѣлать: вотъ почему я могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на рѣшеніе братства Зографскаго.

Во пратахъ обители, пріѣтствовалъ меня маститый девяносто-лѣтній старецъ, отецъ Викентій, который сдѣлался моимъ руководителемъ по знанію имъ Русскаго языка, и такъ какъ въ церкви онъ занималъ всегда первое мѣсто, то сперва я даже принялъ его за игумена. На слѣдующее утро, хотя и въ будни, литургія совершалась для болѣшей торжественности въ соборѣ, по доброду моему расположенію братіи; но грустно было слышать здѣсь, какъ и въ Хиладартѣ, подражаніе Грекамъ въ напѣвъ, съ носовыми удареніями голоса, которыя искажали красоту Славянскаго языка до того, что и самыя слова дѣлались непонятными.

Я заметилъ это еще въ храмъ отцу Викентію, знакомому съ красотою нашего церковнаго пѣнія, и спросилъ: какъ можетъ ухо его переносить такіе несвойственные Славянскому языку звуки, тѣмъ болѣе, что есть собственно Болгарскіе пѣнныя, весьма пріятныя? Онъ отвѣчалъ, что давно о томъ сокрушается и старался ввести въ своей обители, но не въ силахъ, потому что нѣтъ у нихъ настоящаго управленія, но немалую общезитія; долго объ немъ старались и уже потеряли надежду со смертію отца архимандрита Анатолія. Однако онъ просилъ меня поговорить о извѣстнѣ и о желанномъ общезитіи, съ старшею братію послѣ литургіи, и дѣйствительно собралъ для сего въ пріемную залу весь соборъ обители Зографской.

Поговоривъ съ ними о пѣньѣ церковномъ, я спросилъ: какого игумна Дамаскина поминали на актепійхъ? Тогда одинъ изъ нихъ, смиренно сидѣвшій третьимъ въ кругу братіи, всталъ и сказалъ: «Я Дамаскинъ, только по имени игумень, временно принялъ на себя это званіе». — «Но развѣ не вы настоятель обители?» спросилъ я сидѣвшаго подлѣ меня отца Викентія? «Нѣтъ отвѣчалъ старецъ, я простой монахъ и пользуюсь здѣсь только старшинствомъ по моимъ лѣтамъ, оттого что много хлопоталъ о дѣлахъ монастырскихъ». — «А мнѣ казалось, что вы по крайней мѣрѣ эпитропъ, возразилъ я, такъ какъ они избираются въ штатныхъ монастыряхъ изъ не посвященныхъ монаховъ; но кто же у васъ настоящій

игумень? Тогда съ прискорбіемъ отвѣчалъ мнѣ Дамаскинъ: «есть у насъ настоящій игумень, котораго все единодушно избрали и желаютъ имѣть, какъ единственнаго чловѣка, могущаго возстановить порядокъ, но онъ уже два года отрекается отъ сего званія, подлѣ предложомъ болѣзни, и меня убѣдила братія на время заступитъ его мѣсто, надѣясь еще склонить его мольбами. Мы хотѣли завести общезитіе, по древнему чину, которое разстроилось во время оскуднѣнія обители и теперь можетъ опять возстановиться при новыхъ ея средствахъ; есть еще и опытные старцы съ голосомъ, которые того желаютъ; но боюсь несогласія Грековъ, въ общемъ собраніи на Карси, и какъ бы не воспротивился Патріархъ дать намъ благословенную грамоту, потому что мы хотимъ исключить изъ нашего устава страшныя анаемы, падающія на несоблюдающихъ каждой его іоты; это невозможно для нѣкоторыхъ изъ нашихъ старцевъ, привыкшихъ къ иному образу жизни, и вотъ причина замѣденія. Безъ главы что можемъ мы сдѣлать? едва лишь, и то съ трудомъ, учредили общую трапезу. Отецъ Иларіонъ одинъ въ состояніи все это устроить». — Также подтвердила и вся братія.

Пока мы бесѣдовали, взошелъ въ гостинную келью старецъ почтеннаго вида, съ ангельскимъ спокойствіемъ на лицѣ, въ грубой одеждѣ, и послѣ обычнаго привѣтствія сѣлъ подлѣ меня; замѣтно было общее къ нему уваженіе. Отецъ Викен-

тій называлъ его Иларіономъ, и когда онъ началъ извиняться предо мною, что не встрѣтилъ меня наканунѣ съ братією, я спросилъ его: «для чего отказывается отъ настоятельства обители, когда отъ этого зависитъ ея благосостояніе и не можетъ иначе устроиться въ ней общежитіе?» Отецъ Иларіонъ сталъ оправдываться своею немощію, но я старался убѣдить его: «что въ случаѣ болѣзни можетъ отказаться, если дѣло будетъ уже устроено, или по крайней мѣрѣ положено ему начало.» Тогда видя, что все зависитъ отъ одной благопріятной минуты, обратился я къ братіи и спросилъ: «кого желаютъ они имѣть у себя игуменомъ?»— Все единогласно воскликнули: «отца Иларіона!» и бросились къ нему въ ноги: эта минута была умилительна до слезъ. Иларіонъ хотѣлъ еще отрекаться, но ему не дали времени; ударили въ колоколъ, чтобы все собрались въ церковь. Какъ только послышался звонъ, отовсюду братія устремилась въ храмъ. Вместе съ отцемъ Викентіемъ, мы взяли подъ руки отца Иларіона и повели его въ церковь; бывшій игуменъ Дамаскинъ и писмоводитель Анѳимъ вынесли изъ алтаря посохъ и мантию архіерейскую, которую по обычаю Афонскому посылтъ настоятели обителей; вся братія превозгласила его игуменомъ и, поставивъ на игуменское мѣсто, начала подходить къ благословенію.— Не забудьте, что здѣсь не былъ нарушенъ порядокъ церковный, потому что на Святой горѣ избраніе и поставленіе настоятеля предоставлено

отъ Патріарха власти каждаго монастыря. Все совершилось въ нѣсколько минутъ и такъ неожиданно, что самъ Иларіонъ, не опоминувшись еще отъ изумленія, стоялъ безотвѣтнѣй на своей кафедрѣ.

«Что вы со мною сдѣлали?» спросилъ меня наконецъ старецъ, когда кончилось краткое молитвословіе и онъ, уже сложивъ съ себя мантию, выходилъ изъ церкви.— «То что давно надлежало вамъ самимъ сдѣлать, отвѣчалъ я, потому что теперь обитель ваша можетъ надѣяться на общежитіе, безъ котораго она разорилась бы въ конецъ, по смерти опытныхъ вашихъ старцевъ; посмотрите на бѣдствующій Хиландарь.»— «Это правда, возразилъ Иларіонъ, но въ Протатѣ не согласятся на общежитіе и мы встрѣтимъ много препятствій. Вы убѣдили меня принять настоятельство, окончите пачатое дѣло и пособите намъ на Кареи и у Патріарха въ Царьградѣ». Я обещалъ ему содѣйствовать сколько могу, и надѣюсь на успѣхъ, потому что нѣтъ никакой благовидной причины къ отстраненію желанія столь благочестиваго; просилъ только поспѣшить написать правила общежитія и привести ихъ въ Карею, ко времени моего возвращенія, послѣ обзора остальныхъ обителей Св. горы, такъ чтобы я могъ лично ходатайствовать объ утвержденіи устава. Утѣшенный Иларіонъ пригласилъ меня къ себѣ въ келлію и благословилъ, въ память событія, изящною складною иконою, лучшей рѣзбы Афонской, такъ какъ этимъ искусствомъ искони славится Св. гора; а я, въ свою очередь, обещалъ ему, также на память

сего дня, празднующаго Святителю Петру Митрополиту Московскому, испросить и доставить икону Чудотворца, дабы праздникъ его ежегодно совершался въ Зографъ.

Вотъ я рассказалъ вамъ все бывшее чистосердечно. Теперь опишу иъскольکو и самую обитель, коснувшись слегка ея исторіи, которая однако нече известна нежели летопись Хиландарская, потому что съ лаврою Сербскою тѣсно связана судьба царства и династїи Неманичей. Преданіе мѣстное приписываетъ основаніе Зографа тремъ извѣстнымъ братьямъ, изъ Ахриды Болгарской, отъ рода Царя Іустинїана, во дни Льва премудраго Императора Греческаго, то есть въ IX вѣкѣ, которые тутъ поселились на трехъ отдѣльныхъ столпахъ. Они хотѣли соорудить храмъ, во имя Святителя Николая или Климента Ахридскаго, Апостола Славянъ, но еще не могли согласиться между собою, хотя уже приготовили доску для начертанія лица угодника Божїа, когда однажды увидали, что на ней чудно написанъ образъ Великомученика Георгїа. Утѣшенные столь радостнымъ явленіемъ братья, соорудили во имя его обитель, которая прозвалась отъ сей иконы Зографъ, т. е. живописная. Въ то же время исчезла въ Лидѣ Палестинской, надъ гробомъ Великомученика икона его, къ которой притекали все окрестныя страны, и монашествующіе той обители, тѣснимые Сарацинами, оставили родную страну для сѣвернымъ болѣе мирныхъ предѣловъ; но сколь велико было ихъ изу-

мленіе, когда внезапно обрѣли на Св. горѣ ту самую икону ихъ покровителя, которая какъ бы нарочно скрылась въ Палестинѣ, чтобы привлечь ихъ самихъ въ иное мирное пристанище. Я вамъ рассказываю преданіе обители, записанное впрочемъ въ ея актахъ; оно гласитъ также, что услышавъ о чудѣ, Императоръ Левъ премудрый и Царь Болгарскій Іоаннъ, пришли поклониться Св. иконѣ и утвердили своими грамотами монастырь. Но истиннымъ благодѣтелемъ Зографа былъ другой Іоаннъ Царь Болгарскій, Каломанъ Асенъ, отъ котораго есть иъскольکو хрисовулы XIII вѣка, потому что онъ принималъ живое участіе въ соотечественной его царству обители Афонской. Въ XV столѣтїи явился еще благодѣтель Зографу, Стефанъ, знаменитый воевода Молдовахійскій, много ратовавшій противъ Турковъ и всегда побѣдоносный. Однажды только, когда окружили его несмѣтныя полчища невѣрныхъ, онъ думалъ искать спасенія въ стѣнахъ крѣпости; но на стѣнѣ предстала ему мать и сказала: «не велю отворять тебѣ воротъ, доколь не побѣдишь враговъ, потому что если не можешь устоять противъ нихъ въ полѣ, мало отъ тебя надежды и за стѣнами». Въ ту же ночь явился смятенному во снѣ Великомученикъ и обещалъ побѣду, но велѣлъ послать ту свою икону, которую всегда носилъ при себѣ Стефанъ, въ обитель Зографскую, и обновить ее послѣ заустынія. Какъ и когда она заустыняла неизвѣстно. Побѣда дѣйствительно увѣнчала оружіе Воеводы и онъ испод-

нимъ завѣтъ Великомученика, обновивъ великолѣпно его монастырь.

Та и другая икона висятъ до нынѣ на столбахъ предъ иконостасомъ, привлекая множество богомольцевъ; но правая, т. е. древнѣйшая, чествуется болѣе, хотя объ лишены были своихъ великолѣпныхъ окладовъ въ 1821 году, при послѣднемъ опустошеніи Турками. Онѣ теперь облечены новыми, не столь драгоценными однако какъ первыя; помню, что Архимандритъ Анатолій собиралъ въ Россіи на ризы сихъ чудотворныхъ иконъ. Я съ утѣшеніемъ поклонился обимъ въ соборномъ храмѣ, который впрочемъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, потому что сооруженъ вновь въ 1801 году, по обыкновенной формѣ всѣхъ Афонскихъ. Вообще нѣтъ древнихъ храмовъ въ Зографѣ, и другая малая церковь успенія не старше 1761 года. Это та эпоха, когда обновлялись все зданія на святой горѣ, а съ тѣхъ поръ монастырь пришелъ въ большой упадокъ, потому что значительное его имущество въ Бессарабіи, по слабому управленію, приносило малые доходы. По вступленіи Бессарабіи въ Россійское подданство, оно взято было въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства, съ платою въ Зографъ двойнаго противъ прежняго дохода; но монастырь не былъ тѣмъ доволенъ. Возвращеніе сего имѣнія опять въ полное распоряженіе Зографской обители поставило ее на ряду первостепенныхъ на Афонѣ, что весьма полезно для пародно-

сти Болгарской. Многіе изъ иноковъ Зографскихъ, часто посѣщая Россію по дѣлу объ имущество, получали въ ней образованіе и ознакомились съ нашимъ стройнымъ богослуженіемъ. Оттого есть въ этой обители люди, изъ которыхъ можно устроить твердое общежитіе и надѣяться изъ усихъ въ будущемъ, чего къ сожалѣнію нельзя ожидать въ Хиландарѣ, отъ оскуднѣнія такого рода людей.

Преданіе, о нашествіи Императора Михаила Палеолога и Патріарха Векка на Афонъ, еще живѣе въ Зографѣ нежели гдѣ-либо: тутъ у Св. воротъ показываютъ даже мѣсто башни, гдѣ мученически сгорѣли двадцать пять иноковъ и пятеро мірянъ, которые предпочли огненную смерть отреченію отъ православія; облитые пламенемъ предали души Богу, во исповданіи вѣры отеческой, обличая до послѣдней минуты заблужденіе отступниковъ. Имена ихъ бывшаго настоятеля, Варсанофія, и прочихъ, записаны въ синодикъ и память ихъ совершается ежегодно 10 Октября; но, какъ я уже говорилъ прежде, здѣсь должно разумѣть опустошительный набѣгъ Каталанцевъ на Св. гору, а если гошеніе Палеолога, то не личное, такъ какъ самъ онъ не былъ на Афонѣ. На вратахъ обители изображенъ, къ крайнему огорченію Латинскихъ посягателей, самъ Папа, въ полномъ облаченіи, съ своею стражею въ Австрійскихъ мундирахъ, разжигающихъ пламень около башни, съ вершины коей мужественные исповѣдники ихъ обличаютъ; это оттого что есть, въ бібліотекахъ Афонскихъ, сти-

хотворная книга одного безименнаго автора, которая пользуется большою довѣренностію. Тамъ написано, будто, послѣ Флорентинскаго собора, за годъ до взятія Турками Царьграда, Папа Николай V самъ приплылъ съ галерами къ столицѣ, для побужденія къ уніи, но не принятый народомъ, долженъ былъ со стыдомъ отплыть къ островамъ Принцевымъ, въ ожиданіи рѣшительнаго отзыва отъ правительства. Когда же не получилъ желаемого, опустошилъ ради мщенія островъ Халки и на обратномъ пути, захвативъ на Св. гору, совершилъ тамъ все, что приписываютъ Императору Михаилу Палеологу и Патріарху Векку, и тогда же выжегъ Зографъ, за упорство его инокѣвъ.

Въ тотъ же вечеръ посетилъ я съ старшею братіею новую церковь, сооружаемую на противоположной сторонѣ опрага, на высокомъ холмѣ, гдѣ по преданію остановилась третія икона Великомученика. Она принесена была, волною морскою, къ берегу у Ватопеда и, какъ все обители желали иметь ее у себя, то по общему совѣту рѣшено было возложить ее на необузданнаго мула, пустивъ его на свободу, дабы видѣть гдѣ назначено ей будетъ мѣсто упокоенія. Замѣчательно, что все три иконы Св. Георгія, такъ какъ вообще все древнѣйшія его изображенія, никогда не представляютъ Великомученика на конѣ, въ видѣ рыцаря среднихъ вѣковъ, а просто съ конемъ въ рукахъ въ бронѣ воинской, въ совершенно спокойномъ положеніи, какъ подобаетъ изображать угольниковъ

Божіихъ, наслаждающихся вѣчнымъ покоемъ. Мы чтимъ Великомученика, не какъ побѣдопоснаго всадника, но какъ подвижника Христова, побѣдившаго міръ върою. Священная старина была внимательнѣе къ такимъ предметамъ, но видимому малымъ, но въ сущности довольно важнымъ. Обширный очаровательный видъ открывается съ вершины холма на всю лѣснстую окрестность, на глубокую долину Зографа и на дальнее море, которое тихо и величаво качалось на горизонтѣ, какъ бы проблескъ другаго міра, а вечернее солнце ярко румянило весь этотъ чудный небосклонъ. — Здѣсь хотѣтъ устроить малое училище для юношей Болгарскихъ, приходящихъ въ обитель, и это весьма будетъ полезно для Зографа, если изъ-подъ его стѣнъ будетъ проливаться просвѣщеніе духовное на родную ему страну, жаждущую сего свѣта.